

Взгляд Гунсунь Сы, острый как клинок, вонзился в Шэнь Сюаня – казалось, он готов растерзать его на куски!

Шэнь Сюань все еще мычал, отчаянно жестикулируя, чтобы тот усмирил Чжао Фана. Но Гунсунь Сы в мгновение ока оказался рядом:

— Ты смел обидеть его?

Шэнь Сюань: «??»

Что за дерзкий пес? Как он смеет так разговаривать с господином?

Не успел Шэнь Сюань возмутиться, как Гунсунь Сы мертвой хваткой вцепился в его руку.

Раздался резкий хруст.

Кость сломалась.

— М-м-м!!

Шэнь Сюань от дикой боли закатил глаза.

Но Гунсунь Сы этого показалось мало: он нанес сокрушительный удар ногой, от которого второй молодой господин мгновенно лишился чувств.

Гунсунь Сы закинул Чжао Фана на плечо.

Тот брыкался и требовал вернуть его обратно, чтобы закончить дело:

— Тварь бесстыжая, ублюдок подлый!

— Гу Сы,пусти меня!

— Я его придушу, клянусь!

Гунсунь Сы лишь закатил глаза: «...»

Ишь как расхрабрился.

— Угмонись, а то сброшу.

И это не было пустой угрозой – Гунсунь Сы сам едва сдерживал бушевавшую внутри ярость.

Он злился на Чжао Фана, но еще больше – на самого себя.

Если бы он не заподозрил неладное из-за долгого отсутствия Чжао Фана и не пришел проверить, этот придурок уже вовсю кувыркался бы с Шэнь Сюанем.

Изначально Гунсунь Сы хотел лишь сбить Чжао Фана с пути истинного, чтобы пресечь род Чжао.

По логике вещей, застав Чжао Фана в объятиях Шэнь Сюаня, он должен был радоваться.

Но радоваться совсем не хотелось. Напротив, дикая злость едва не лишила его рассудка!

Удар, которым он наградил Шэнь Сюаня напоследок, был такой силы, что тот наверняка не досчитается пары ребер.

А Чжао Фан все не унимался:

— Ну и бросай! Бросай, слабовольный щенок!

Гунсунь Сы в сердцах действительно сбросил его на землю.

Чжао Фан не удержался и полетел лицом прямо в сугроб.

Контраст обжигающего жара и ледяного снега оказался настолько резким, что Чжао Фана затрясло, зато в голове немного прояснилось.

Он кое-как поднялся и, пошатываясь, побрел вперед.

Бах!

И снова повалился на снег.

Кое-как встал и упрямо поплелся дальше.

Бум!

И со всего маху врезался в дерево.

Гунсунь Сы: «...»

Как бы он ни злился, смотреть на эти мучения было невыносимо.

Он снова взвалил упрянца на плечо и потащил к их флигелю.

Оказавшись в комнате, Гунсунь Сы набрал для Чжао Фана целую бадью холодной воды:

— Вода ледяная, сейчас натоплю очаг и согрею немного.

Чтобы не привлекать внимания слуг, пришлось разжигать жаровню прямо в комнате.

Угли разгорались медленно, а разгоряченный Чжао Фан не мог больше ждать. Он принялся стягивать с себя верхнюю одежду.

И нательную тоже.

Гунсунь Сы перехватил его руки:

— Простудишься.

— Жарко...

Лицо Чжао Фана пылало, взгляд блуждал, а щеки смешно округлились – точь-в-точь как у хмельного лисенка.

Милый.

Очаровательный.

Сердце Гунсунь Сы словно кошачьей лапкой зацепило.

В горле у него внезапно пересохло.

Чжао Фан пьяно уставился на него:

— Сяо Гу, а тебе говорили, что когда ты злишься, то выглядишь очень смешно? Как хомяк, обожравшийся корма...

— Хи-хи-хи-хи...

Глупо хихикая, он бесцеремонно схватил Гунсунь Сы за щеки и потянул в разные стороны:

— Смотри, ну вылитый же!

Он развернул лицо Гунсунь Сы к себе. Надо же, а ведь этот малый с каждым разом кажется все аппетитнее...

Нет, нет.

Мутный рассудок Чжао Фана подал сигнал тревоги: «Очнись, дурень, тебе сейчас и свинья покажется первой красавицей».

Да.

Все верно.

Надо держать себя в руках.

Чжао Фан резко распахнул дверь, и в комнату ворвался ледяной ветер.

Ух.

Его знатно передернуло от холода.

На улице вовсю валил густой снег. Крупные хлопья летели прямо в лицо и оседали на голове и плечах.

Едва коснувшись разгоряченного тела Чжао Фана, снежинки тут же таяли, превращаясь в струйки воды, стекавшие за шиворот.

Жар внутри наконец начал немного спадать.

Тогда он просто выбежал во двор, раскинул руки и подставил лицо под снегопад.

Все равно горячо.

Чжао Фан в ярости стиснул зубы: «Шэнь Сюань, ублюдок! Тварь подлая!»

Гунсунь Сы выбежал следом:

— Ты что творишь?

Чжао Фан в одних подштанниках и рубахе носился по сугробам.

— Заболеешь же!

Чжао Фан отмахнулся:

— Отстань, иди воду грей.

Заметив, что тот собирается лечь прямо на снег, Гунсунь Сы перехватил его, притащил в комнату и бесцеремонно бросил на кровать, грозно прикрикнув:

— А ну лежи смирно!

Чжао Фан обиделся:

— Ах ты паршивец, совсем от рук отбился! Слушаться старших перестал!

— Перечить мне вздумал?

— Совсем страх потерял?!

Гунсунь Сы, глядя на пляшущие языки пламени под чайником, лишь хмыкнул про себя: «Только заметил?»

Поняв, что уйти ему не позволят, Чжао Фан залез под одеяло.

— Сяо Гу, может, ты выйдешь ненадолго?

Видя, как тот пытается его прогнать, Гунсунь Сы упрямо остался на месте:

— Брат Чжао, ты сам не свой. Тебе нехорошо?

— Я позову лекаря.

Видеть Чжао Фана в таком отчаянии и поту было для Гунсунь Сы своего рода сладкой местью.

Он намерен изводить его медленно, пока тот не раскается во всех своих грехах.

— Не надо, не надо!

Чжао Фан готов был надавать себе по шее за то, что позарился на выпивку. И надо же было так глупо попасться на удочку Шэнь Сюаня!

Какое убожество.

— Никого не зови. Просто уйди и прикрой дверь, пожалуйста.

Как говорится, сора из избы не выносят. Если старая госпожа узнает о таких грязных делишках внука, позора не оберешься.

Гунсунь Сы протянул руку, желая проверить температуру его лба.

Но у Чжао Фана, видать, перемкнуло какой-то предохранитель в голове – при виде потянувшейся руки он на автомате заехал кулаком прямо в ответ!

И угодил точнехонько по переносице Гунсунь Сы!

Юноша охнул и зажал нос руками, замерев на месте.

Чжао Фан испугался собственной прыти:

— Ой, прости-прости! Я нечаянно, ты как? Сильно больно?

Что-то он совсем занервничал.

Все из-за этого проклятого второго молодого господина...

Чжао Фан мысленно еще раз обложил Шэнь Сюаня трехэтажным матом!

Вода в чайнике весело заклокотала, выпуская густые клубы пара. В комнате стало сыро и тепло.

При свете луны Гунсунь Сы подолгу всматривался в покрасневшее лицо Чжао Фана.

Его глаза казались темнее ночи и ярче лунного диска.

На улице трещал мороз, но в комнате было тепло и уютно.

— Вода согрелась.

Гунсунь Сы резко поднялся и молча вылил горячую воду в бадью.

Глядя на его покладистость, Чжао Фан почувствовал еще большую неловкость:

— Сяо Гу, прости меня... Нос сильно болит?

— Угу.

— Может, потереть?

Гунсунь Сы на секунду замер, вновь одарив его глубоким, нечитаемым взглядом:

— Не надо.

Чжао Фану было неловко, и он еще раз тихонько извинился.

Гунсунь Сы промолчал, опустив голову.

Чжао Фан залез в приятно прохладную воду и блаженно вздохнул.

В такой ванне он готов был сидеть хоть до утра.

— Сяо Гу, иди ложись спать.

Из-за ширмы донесся тихий, послушный голос юноши:

— Хорошо.

Чжао Фан облегченно вздохнул: его прежний, покладистый мальчик вернулся.

Он выждал приличное время, пока Гунсунь Сы точно не уснул.

Лишь глубокой ночью Чжао Фан, изнуренный борьбой с дурманом, наконец перебрался на кровать.

Стоило ему погрузиться в глубокий сон, как лежащий рядом юноша медленно открыл глаза.

<http://bllate.org/book/18123/1739334>